
Айгюн Мамедова

Старик решил умереть

Рассказ

Старик спустил ноги с кровати. За окном шуршал дождь, и ему казалось, что он слышит все так отчетливо, будто непогода у него в гостях, в его комнате. Старик не любил весенних дождей, сырых и промозглых. Другое дело летний, — как принять ванну в душный день. Сейчас бы закурить, мелькнуло у него. Он посмотрел на свои ноги. Смуглые толстые пальцы, некрасивые серо-желтые ногти. Не дотянуться уже, не привести их в порядок, не поранившись ножницами. Слава богу, есть сын. Эти ноги бегали по городу так много и долго в молодые годы, что теперь кажется, то был сон. Он не чувствовал их, просто они были — сильные, выносливые, большие. Что еще нужно для счастья? Сильные ноги!

Со стула лапшой свисали черные носки. Он пересел с кровати и натянул их. Еще год, может, два, и добежать до туалета станет проблемой. И не только его. Друзья-старички рассказывали, как чертыхаются невестки и дочери, убирая за ними. Человек жалок в старости. Он мечтал жить долго и не знать смерти, и подумать не мог, чем может обернуться долгая жизнь. Когда ноги окончательно покинут меня, я наложу в штаны, с грустью заключил старик, нажимая на слив унитаза.

— Каша недани¹? — спросила невестка.

— Эх², — ответил старик, присаживаясь за стол.

Сын поднялся из-за стола, чтобы налить чай, пока невестка наполняла тарелку горячей овсянкой. Старик ел медленно, думал о еде, о внуках, что учились в Махачкале, считал, сколько осталось до каникул, шумно выдыхал через нос. Дождь закончился, солнечные лучи яркими золотыми сетями проникали на кухню через окно. Под этими лучами плясала пыль и слегка нагревался пол. Мысли порхали в голове старика, и ни одна не задерживалась надолго. Допив чай, он посидел часок-другой у телевизора, правда, больше смотрел на сына, чем на экран. Тот уснул на диване: воскресный день. Его мальчик всегда спал спокойно, и безмятежность, разлитая на лице сына, радовала старика. Легкий ветер через полуоткрытое окно на балконе надувал парусом занавески. Старик накрыл сына пледом и ушел к себе, чтобы надеть свитер и встретиться

Айгюн Мамедова родилась в Баку. Окончила филологический факультет Дагестанского государственного университета. Печаталась в журналах «Гений», «Вайнах», сборниках «Мы — молодые», «Новые писатели», альманахе «Кавказский экспресс». Живет в Праге. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

¹ Кашу будешь? (*лезгин.*)

² Да (*лезгин.*)

с друзьями. Пиджак, сигареты (он похлопал по карманам, чтобы удостовериться, что они там), шляпа. На пороге, уронив металлическую ложку для обуви, он разбудил сына.

— Фена зун¹.

— Фена? Базардиз²? — сквозь сон спросил он.

— Эгь. Вун ксус³, — ответил старик и как можно тише притворил входную дверь.

Третий этаж — страшное испытание.

Рынок гудел, кричал, был в движении, сродни большой песочнице, в которой резвятся неугомонные дети. Запахи шаурмы и жареного мяса щекотали ноздри, вид гогалов, аппетитных солнечных кругляшей, манил к себе.

— Недорого, отец! — возник из ниоткуда голосистый продавец. — Вкусный свежий гогал, недорого. Еще горячий! Сколько положить? — тут же наготове пакет.

— Нет, нет. Спасибо, спасибо.

Старик пошел дальше. Гогалов ему не хотелось, но ему нравилось смотреть и думать, что он все еще чувствует вкус еды, как раньше. Старик был горожанином, и родной Дербент он исходил вдоль и поперек тысячу раз и столько же, наверно, один или с друзьями, садился где-нибудь в тени деревьев, чтобы перекусить вкусным гогалом. Он знал наперед, что будет: соблазнительный хруст соленой булки, мягкое слоеное тесто, переплетенное с яичным желтком, запах горячей выпечки. Какая все-таки мука — помнить. Что толку, если радости нет. Из старой жизни он прихватил привычку, которая не раз вызывала семейные споры: курить или не курить? Сколько раз он читал на коробке «Курение вредит вашему здоровью», сколько раз думал бросить, потому что жизнь ценнее, и что теперь? Смерть, где ты? Я устал. Дым вышел через ноздри, он затянулся снова. Ммм, нравится, как и всегда. Но ради сигарет цепляться за жизнь все-таки не стоит. Какой абсурд.

Среди небольших зданий северного рынка, что лепились уродливо то там, то тут по бокам, старик быстро нашел свое любимое пристанище: маленькая комнатка с окном почти во всю стену, стекол не было, лишь металлические толстые прутья. Внутри расставлены столы, и на каждом — нарды или шашки. Одни старики внутри сменяли других. Кто-то больше не мог ходить, кто-то умирал, а комнатка — жила по сей день. Прекрасный островок единомышленников. Он докурил и вошел.

Когда она проплыла мимо него с тихой улыбкой, старик на секунду — на вечность! — обомлел и застыл на месте. Если бы во рту по-прежнему дымилась сигарета, она бы киношно упала на пол.

— Дуст! Я, дуст⁴! Давай сыграем! — позвал его Исмаил. Старик присел к столу, видение улетучилось. Интересно, кто это? Друзья пожали руки. — Давай сыграем. Я уже расставил все. Сегодня я тебя точно обыграю.

— Это кто? — двигая шашку, спросил старик.

— С Абдулом?

— Да.

— Марият, — ответил знакомый, подергивая нетерпеливо седой ус. — Абдул болел, а теперь плохо ходит, — они оба посмотрели в сторону Абдула, старика лет восьмидесяти, расставлявшего фигуры на доске дрожащими пальцами. — Дома сидеть

¹ Я пошел (лезгин.)

² Пошел? На рынок? (лезгин.)

³ Да. Ты спи (лезгин.)

⁴ Друг! Эй, друг! (лезгин.)

отказывается, его сестра помогает ему, водит сюда-обратно. Она тут недалеко на рынке торгует. Носки, трусы, то да сё.

Значит, Мария. Старик обыграл знакомого трижды. Они махнули на шашки и встали пройти и поразмять кости. Обойдя столы с другими игроками, остановились у пары, что бросала кости за нардами. Мелькали руки, двигались шашки по доске. Вокруг стола стали собираться старики, обсуждая, кто же в итоге победит: Али или Абдул.

Когда Али, непобежденный, потянулся за тростью и, опершись на нее, медленно встал из-за стола, зрители одобительно похлопали его по плечам, отмечая прекрасную игру.

— Ты играешь не хуже, — заметил Исмаил. — Не хочешь сыграть в шеш-беш?

— Ничто не приносит мне радости, — но тут же перед глазами встала Мария.

Они посмотрели вслед Али, который, попрощавшись со всеми, медленно заковылял по улице. Сутулый, невысокий, в плоской кепке и темно-зеленом свитере, победитель брел домой. А друзья все смотрели и смотрели на него, будто на отражение.

— Знаешь, мне, наверно, тоже скоро понадобится тросточка. Или Мария.

— Зачем это тебе Мария? — удивился старик.

— Ноги ни к черту. Абдулу хорошо, у него есть Мария. Всем бы Марию.

— Всем бы, — согласился старик, но подумал о другом.

— Вчера мне снилась жена.

— Мне раньше тоже снилась. А потом перестала. Но когда снилась в шестьдесят, я думал, хоть бы не к смерти, хоть бы не к смерти. Я знаю, что покойные не снятся к смерти. Просто так думалось.

— Я и сейчас так думаю, знаешь.

— Если бы я увидел ее теперь во сне, теперь, когда я дряхлый старик, я бы молил о смерти.

— Сколько драмы в твоих словах.

— Чан дуст, чан Исмаил! Что за радость жить теперь, когда я чувствую только слабость. Внутри я такой же, мои чувства те же, что и раньше. Но мое тело состарилось раньше души!

— Ну вот, опять драма. Просто живи, — пожал плечами Исмаил.

— Простак ты, — махнул рукой старик.

— Да. Зато не мучаюсь, — заметил тот.

— Да. Всем бы.

Оставшись дома наедине со своими мыслями, старик внезапно осознал, что эти самые мысли в плену у Марии. Она плыла и плыла перед глазами, и молодая душа старика не пропустила ничего: как Мария бережно усадила брата на стул, как поставила рядом его трость, как разгладила свое выцветшее синее пальто, пройдясь по нему быстрыми руками, как подправила выбившиеся из-под косынки каштановые с сединой волосы, как улыбнулась, столкнувшись с ним в узком проходе между столами. Мария! Как возрождение. На секунду мелькнула непозволительная страшная мысль, что, возможно, если бы сейчас ему приснилась его жена, он бы вновь, как и двадцать лет назад, взмолился: только не к смерти! Цифры, цифры! В пятнадцать лет, двадцать пять, сорок, шестьдесят, восемьдесят два душа готова воспарить, был бы повод!

Наступил май. Старик постоянно сталкивался с Марией. Однажды он помог ей с братом, и они познакомились. Разговоры их были короткими, она спешила к своему товару. Старик думал, что им стоит столкнуться у ее магазина, и тогда у них будет

возможность поговорить подольше. А уж говорить он умел всегда, особенно с женщинами. Внуки шутили, что старик в любом месте найдет себе собеседника. Когда ему пришлось переехать к сыну в другой район города, он от скуки перезнакомился со всеми соседями и их детьми. Ему улыбались на улице, махали рукой, звали пить чай. С ним обсуждали последние новости в городе.

— В какую даль ты меня позвал!

— Исмаил, это просто набережная!

— Тебе сын купил какой-то новый крем?

— О чем ты?

— Ты быстро ходишь. Говори! Если ты нашел чудодейственный крем, не скрывай!

Стариковское сообщество будет благодарно.

— Нет никакого крема, Исмаил. Тебе кажется, — старик хотел сказать, что чудо-крем существует и имя ему, имя ему... О, только не произноси это слово!

Больше не было свитеров и теплых туфель. Май бесподобен: в меру солнечный, свежий, как спелые фрукты, только вымытые и поставленные на стол, — на них еще блестят капельки воды. Море с набережной казалось серо-голубым, ветер дул несильно, но все же временами пытался сорвать с головы старика шляпу.

— Отец в последнее время бодрый, — услышал старик из кухни.

— Да, я заметила. Вчера попросил новые синие брюки и чистую рубашку.

— Наверно, весна.

Что-то тревожно заныло в груди. Вечером впервые в этом мае. Старик с грустью подумал, что не шеголять ему завтра перед прекрасной Марией. Однако утро выдалось теплым, легкие облака парили, будто подвешенные чьей-то невидимой рукой. И мир показался старику чистым и нежным, как утреннее небо после дождя. Что ж, время!

Он долго разглядывал себя в зеркале. Впервые за старость ему показалось, что он неплохо выглядит, а щетина и шляпа придают смуглому лицу и всей его худощавой фигуре старческого шарма. По улице, залитой лужами, старик шел медленно, чтобы не замызгать новые брюки. Впервые за старость он не прошел мимо ларька с благоухающими гогалами, а купил два — себе и Исмаилу (Марии? Марии?!). И вот старик оказался на нужной улице.

Судьбоносные вещи происходят быстро, в считанные секунды. Как перелом в войне или перелом ноги. Старику казалось, что прошла вечность, а на деле — не было и минуты. Он растянулся посреди дороги в луже. Обманчиво ласково светило солнце, и он чувствовал, как намокли штаны и спина в дождевой воде. Предательски заблестели слезы. Ему не хотелось вставать. Ему хотелось, чтобы кто-то потормошил его плечо: вставай, это просто сон! и будь осторожней с лужами, порой они коварней худших из врагов! Он видел, как вокруг него толпились люди, он видел Марию, он слышал, как сигналили машины. Всего-то нужен был один немощный старик, чтобы всполошить этот и без того шумный рынок. Чертова старость! Чертова Мария! Иеси кый к|вачер!¹

Он не помнил, как его подняли, как усадили на скамейку, как дали попить воды и перевести дух. Но помнил, что над всем этим, как утреннее облако, парила Мария, которая несколько раз спросила, где он живет, чтобы проводить до дома. Но он махнул на помощь и поковылял сам, обернувшись лишь раз от мысли о потерянных гогалах, будто об утраченной молодости. Дома суеты было не меньше, чем на улице. Но старику было плевать. Он не выходил на улицу неделю, в основном молчал и думал. А потом старик решил умереть.

¹ Проклятые ноги! (лезгин.)

Старик отсчитал от пенсии пять тысяч, оглянулся по сторонам и быстро положил себе в карман. Затем достал новую пачку сигарет и сунул туда же. Было около шести вечера.

— Зун фена¹, — махнул он рукой сыну и невестке.

— Наконец-то решил прогуляться, а то после того... — услышал старик, закрывая дверь.

Медленным, но уверенным шагом он направился к набережной. Теперь его не остановит даже падение! Старик нервно закурил. Приятно иногда встречать людей, с которыми хочется долго-долго говорить о жизни, особенно если жизнь эта уже прожита и ничего интересного не предвидится. Но к чему Марии еще один немощный? Какой срам, какой срам. Старик сокрушался про себя и спешил к набережной еще сильней. Сумасшедший, сумасшедший!

По набережной сновали мамыши с колясками, дети, продавцы, празднующиеся; пахло едой и соленым морем. Старик, придерживая одной рукой шляпу, нетерпеливо шарил глазами в толпе. Кто же, кто же? Пусть будет этот. Старик остановил свой выбор на человеке лет тридцати пяти. Молодые охочи до денег. Пять тысяч нынче много или мало? Старик подумал, что зря не следил за ценами все эти годы. В его время на пять тысяч можно было неплохо одеться или купить муку, мясо и много чего еще. Сколько сейчас стоит мешок муки? Почему я никогда этим не интересовался? Дурная голова, мысленно корил себя он. О чем же он разговаривал с семьей всю свою никчемную старость, раз не знает элементарных вещей!

— Мороженое хотите? — заулыбался мужчина.

— Нет. Это вам, — старик протянул ему купюру в пять тысяч и записку, в которой он непослушной рукой вывел: «Я иду умирать. Это номер телефона моего сына. Позвоните, пожалуйста, ему через полчаса. Спасибо».

— Подождите! Что это?! — замахал продавец, с лица которого слетела улыбка.

Старик, не оборачиваясь, нырнул в разношерстную толпу и тут же спустился вниз, к морю. Ноги вязли в песке, двигаться стало сложнее. Старик дал себе на смерть времени полчаса. Надо было написать сорок минут! Хватило бы и на последнюю сигарету. На пляже малоллюдно. Понятное дело: еще не так тепло, время позднее. Он снял шляпу, края ее прижал туфлями, чтобы не улетела. Без лишних мыслей старик вошел в воду. Холодная! Он чувствовал, как все его тело цепенеет и покрывается мурашками, и с каждой новой волной, с каждым шагом одежда намокала больше и больше. Есть ли дорога назад? Сумерки густели. Закатная тонкость разливалась по земле, вплетаясь в тяжелую морскую массу, надвигающуюся темноту, растворялась в них.

Старик не знал, как правильно умирать в море. Всю свою жизнь он прекрасно плавал и думал, что, наверно, он когда-то был каким-нибудь человеком-амфибией. Ему везло, вода всегда была к нему благосклонна. Но сегодня старик поставил на смерть в море всё и призвал в помощники старость. Этому миру не нужна еще одна развалина вроде него. Его отбрасывало назад, но старик с завидным упорством шел вперед, пока не перестал доставать до дна ногами. Сил хватило ненадолго, он боролся с водой и плыл все дальше и дальше от берега, и ему казалось, что он уже далеко. Вскоре старик лег на спину и отдался на волю волн. Он облизнул губы и почувствовал вкус воды, с грустью осознав, что пропустил закат, и сейчас над ним висело необъятное широкое темно-лиловое небо. Он вспомнил, как много-много лет назад научился вот так лежать на спине, будто на морской подушке. Тогда он впервые увидел сияющее небо, слепящее солнце, услышал движение песка под водой, будто невидимая сила

¹ Я пошел (*лезгин.*)

пересыпала что-то неуловимое и хрупкое из одной руки в другую. Все казалось другим, и сам он был другим — юным, тонконогим, смуглым от вечной беготни с друзьями. Старик много смеялся, учился плавать и с утра до позднего вечера пропадал на улицах любимого города. Разве нужно что-то еще человеку, кроме дома? Дербент был так же юн и нетерпелив, как и он, Дербент состарился вместе с ним. Старику хотелось увидеть то небо снова, залитое солнцем, высокое и легкое, как в детстве. Но он малодушничал, долго собирался и поздно вышел из дома...

Пора!

Судьбоносные вещи происходят внезапно. Это как в нужную секунду увернуться от кирпича, что злодейски несется к твоей макушке, или почувствовать чью-то сильную руку на плече, что тянет тебя назад как раз в тот момент, когда сам ты в одном шаге от колес авто. Старику казалось, что он далеко, что секунда — и он провалится в черную глубь. Но на деле он болтался на волнах недалеко от берега, правда, все, кто стоял на берегу и ждал развязки, думали, что он мертв. Двое зевак нырнули в воду, чтобы выловить тело и отдать сыну, который был в пути. Старик не понял, как все произошло, и пока хватало сил, пытался вырваться из рук своих спасителей, но вскоре смирился и просто повис тяжелым мешком. На берегу он опомнился, откашлялся и открыл глаза. Старика ослепил яркий свет фонарей, направленных на него. Было непривычно шумно, кудахтали женщины, подошли врачи. Старик узнал сына и своего предателя, продавца мороженого. Мелькнула надежда, что иуда вернул деньги сыну, иначе нечестно.

— Побойся Аллаха! Как ты мог так поступить?! Разве сын плохо с тобой обращался? — восклицала толпа.

— Какой стыд! — причитала невестка.

— Я дах¹, почему ты не сказал, что тебе было плохо?

— Чертова Мария! Чертова Мария! — зло зашептал старик. — Иеси кьейи пупар²!

— Тихо! Тихо! — закричал на толпу продавец. — Он хочет что-то сказать.

— Мы его забираем, — подали голос врачи «скорой».

— Шшш, — зашикала толпа. — Да дайте ж ему сказать! Что вы за люди!

Старик приподнялся и пошарил в карманах в поисках сигарет — ничего! Тишину нарушал лишь плеск волн.

— Холодно, — он обвел взглядом толпу. — Где моя шляпа?

— Вот, — протянул сын.

Старику помогли встать на ноги. С него стекала вода. Кто-то быстро накинул на плечи плед, кто-то продолжал поддерживать его, чтобы он не рухнул на песок. Все по-прежнему молчали.

— У меня хороший сын. Я стар. Мне восемьдесят два года, и это очень много, — старик хотел говорить и говорить, раз уж представился случай и пока зубы не застучали, но вдруг понял, что никому это не надо. — Просто я очень устал... А ты, — он ткнул пальцем в продавца, — не забудь вернуть деньги.

Толпа разомкнулась и смиренно пропустила его вперед. Море шелестело. Врачи заковыляли по песку впереди него, изредка оглядываясь, чтобы удостовериться, всё ли в порядке. Шляпа норовила слететь. Он услышал:

— Сумасшедший...

¹ Папа (*лезгин.*)

² Проклятые женщины! (*лезгин.*)